

ИЗ НЕИЗДАННОЙ МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОМ

I. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ А. И. АРТЕМЬЕВА О Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОМ

Публикация Б. Бухштаба

Автор публикуемых воспоминаний о Чернышевском Александр Иванович Артемьев (1820—1874) — видный в свое время статистик, краевед, археолог и историк, старший редактор изданий Статистического комитета, участник ряда статистических экспедиций. Краеведческая его работа относится преимущественно к Казанской губернии, с которой его связывали университетские годы и начало научной деятельности.

Статья Артемьева «Отцы и дети», вторую часть которой, непосредственно относящуюся к Н. Г. Чернышевскому, мы публикуем, — написана, по видимому, в самом конце 60-х или начале 70-х годов; в первой части ее имеется указание об отце Чернышевского «умер лет восемь назад», а Г. И. Чернышевский умер в 1861 г. Для какой цели написана статья — неясно. По построению и обработке она не похожа на запись «для памяти», между тем печатать о Чернышевском в то время заведомо ничего нельзя было.

Артемьев почти совершенно не знал Чернышевского. Хотя он и пишет «мне случалось кое-где встречаться с ними» (Чернышевским и его женой), но описывает только одну встречу с самим Чернышевским. Вероятно, остальные встречи были несущественны; возможно также, что статья незакончена.

Однако, встреча, описанная Артемьевым, довольно любопытна. Она произошла у И. И. Срезневского, профессора-слависта, университетского учителя Чернышевского. У Срезневского по субботам собирались люди академического филологического круга. В описываемый Артемьевым вечер были историк, будущий академик, П. П. Пекарский и ориенталист П. С. Савельев. Чернышевский, совершенно уже отошедший к тому времени (1856 г.) от былых филологических интересов, тем не менее часто бывал у Срезневского, по свидетельству дочери последнего. «Случалось, однако, — сообщает она, — что иногда Чернышевского не привлекали некоторые ученые беседы. Тогда он уходил в соседнюю комнату, садился на маленький диванчик, усаживал подле себя трех старших детей Срезневского (7—11 лет) и рассказывал им сказки из «Тысячи и одной ночи» (В. А. Пыпина, Любовь в жизни Н. Г. Чернышевского, П. 1923, стр. 18). Вероятно, это бывало нередко, потому что Чернышевский провел большую часть вечера с детьми и в тот раз, когда его видел Артемьев.

В рассказе последнего наиболее интересен живо переданный спор Чернышевского со Срезневским по вопросам эстетики и о «Губернских очерках» Салтыкова. Здесь ясно видны связи эстетических положений Чернышевского с его социальными стремлениями, с его требованиями к современной ему литературе и принципами оценки конкретных литературных явлений, т. е. то, что было затушевано в его академической диссертации.

Из упомянутых в беседе персонажей «Губернских очерков» — врач, который расковыривал здоровое плечо, чтобы пациент откупился взяткой, описан в «Пер-

вом рассказе подьячего», а исправник Живоглот — в рассказе «Неприятное посещение». Первый рассказ появился в августовском, второй — в ноябрьском номере «Русского Вестника» 1856 г. Таким образом разговор шел о свежих литературных новинках.

Первая часть статьи Артемьева, опущенная нами, посвящена отцу и тестю Н. Г. Чернышевского и не представляет интереса, так как она написана в основном по саратовским слухам и сплетням (в первой половине 50-х годов автор воспоминаний прожил некоторое время в Саратове, где он находился в служебной командировке), и в ряде случаев стоит в полном противоречии с другими источниками, достоверность которых не вызывает сомнений. Любопытно, что враждебность автора к Чернышевскому переносится и на его родственников.

Статья печатается по автографу Артемьева, хранящемуся в рукописном отделе Государственной Публичной Библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Я не был знаком с Н. Г. Чернышевским и с его женою; но все-таки мне случилось кое-где встречаться с ними и заметить некоторые мелочи, быть может не лишённые значения для их биографий.

В начале января 1856 г. мы наняли квартиру в доме Тулубьева, в Поварском переулке, близ Владимирской церкви.

В Петербурге все привикают жить ни мало не заботясь о том, кто живет рядом и около. Разве какая-нибудь особенность жильца-соседа заставит поневоле обратить на него внимание. Так мы начали жить и в этом доме, не спрашивая, не осведомляясь, кто помещается над нами, под нами, против нас и рядом с нами. Но прислуга разведывает все это в самом непродолжительном времени.

Надобно заметить, что тогда (в конце 1855 г.) я только-что воротился из продолжительной командировки в Саратовскую губернию и что кормилица теперешнего нашего старшего сына (Николая), родившегося в Саратове, была привезена из Саратова, а нянька, выехавшая с нами из Казани, с нами же находилась и в Саратове. Вследствие этого наша прислуга при первом же разговоре с дворниками узнала, что «этажом выше нас живут также саратовцы, какой-то Чернышевский; отец-то у него в Саратове священник; он на саратовской и женат; мальчик маленький у них тоже есть» и пр. Еще через несколько дней наша нянька уже сообщала, что «ребенок у Чернышевских какой-то больной, а мать им нисколько не занимается, даже его не любит; да и когда ей (т. е. Чернышевской) заниматься ребенком... она все с молодежью... муж ни на что, слышь, и вниманья не обращает...» Потом случилось как-то, что кухарка Чернышевских позависовалась у нас в кухне какой-то чашкою или плошкой и когда эта вещь понадобилась нам, то за нею отправилась в кухню Чернышевских наша нянька, а ее встретила сама Чернышевская и спросила: «Твои господа тоже из Саратова? А как они прозываются? — Артемьевы, дескать. — Что-то не знала таких...—«Их, дескать, папашка-старичок живут в Кузнецке; а этот г. Артемьев служил прежде в Казани в ниверситете». А она в дверь из кухни, туда, в залу что ли, и закричала: «ты знал в Саратове аль в Казани Артемьева?...» А он подходит к кухне и говорит: «да, в Казани знал немного...»

Первые рассказы о Чернышевских доходили до меня стороною; но последний разговор нянька почла обязанностию передать мне непосредственно. Выслушавши ее доклад я отвечал: «Отца Чернышевского я знаю давно; но его самого не знаю и не слыхивал, что он бывал когда-нибудь в Казани, а потому и не понимаю, как он знал меня в Казани».

— Да ведь, барин,—возразила нянька,—это не Чернышевский и говорил, а тоже, слышь, саратовский, Пыцин что ли какой... такой белый

лицом, а волосы черные... Он чуть не живет у них: он, слышь, большой приятель госпоже-то Чернышевской, — прибавила нянька хихикая.

— Ну, вы вечно успеваете собрать все сплетни... Может быть, он родственник, — сказал я.

— Кто их знает! Их же нянька с кухаркою рассказывали...

Вот какие сведения приобретены были мною о Чернышевских. Сколько в них правды — не знаю; но я записываю их здесь в том виде, в каком они дошли до меня. Чернышевского я тогда не знал лично: но имя и литературная его деятельность, конечно, были мне известны: он в эту пору уже обращал на себя внимание весьма многих.

В доме Тулубьевых жили мы только до весны, а потом переехали на дачу и осенью заняли квартиру (также не надолго) в Измайловском полку; но Чернышевские оставались на прежней квартире довольно долго и уже гораздо позже перешли в дом Есаулова, на Владимирской улице, не очень далеко от нашей квартиры (в Кабинетской, сначала в доме Ларионовой, потом у Назаровых).

Осенью или зимою того же 1856 г. я встретился в первый раз с Чернышевским в квартире И. И. Срезневского, у которого в конце 50-х годов я бывал довольно часто. У Срезневского собирались и собираются доселе преимущественно ученые; беседа всегда касается археологии, славянщины, литературы, но в политику вообще не вдаются; а городскими сплетнями-новостями интересуются по толику, по колику они касаются мира ученого.

Раз в один из таких вечеров, когда уже подали закуску и некоторые из собеседников уже брались за шапки, чтоб проститься с хозяином, в кабинет его вошел русенький господин сморщенно болезненного вида: волосы у него лежали будто прилипшие к голове, смотрел он через очки как-то изгибаясь, несколько жмурясь и саркастически или нервно чуть-чуть покачивал рот.

«Поздненько же являетесь», — обратился к этому господину П. П. Пекарский.

— Николай Гаврилович явился чуть ли не прежде всех, да, по своему обыкновению, беседовал все с детьми, — отвечал хозяин и прибавил: ну, что каков мой Вячко? Катеринка?

— Да что?! изумили меня: начали рассказывать о красоте «заставок» в какой-то заплесневелой летописи... Юсы да глаголиты знают... Уж эстетикой-то их не развращали б! хи-хи-хи—отвечал Николай Гаврилович немало жеманясь и подцепляя вилкою кусок селедки.

(Это Чернышевский? — спросил я шопотом П. С. Савельева. «Iрse», — отвечал тот).

— Ну, что вы, Николай Гаврилович, нападаете на мои милые юсы и глаголиты! — возразил смеясь Срезневский. Ведь и вам не незнакомы они; ведь и вы занимались эстетикою...

«Моя эстетика, вы знаете, не ваша», — обратился Чернышевский к Срезневскому, тыча вилкою: «вот щедринские «Губернские очерки» — эстетика».

— Pamфлет, конечно, практически приносит известную долю пользы, — заметил Срезневский, — но отрицаю, что он может служить к развитию правильного эстетического вкуса...

«Вот иметь правильный вкус в селедке, в икре — полезнее, хи-хи-хи! А пустяки по-вашему, что разные лекари, ковыряющие плеча у черемисов, да исправники-живоглоты выдаются вам головою?» — сказал Чернышевский.

— Ну, это не новость в нашей литературе, — возражал Срезневский. — Капнист писал о взяточниках, сам Булгарин даже, а Гоголь-то... да взяточники не перевелись. По-моему, вот эстетика-то, наша эстетика, Николай Гаврилович, а не в а ш а, скорее поможет делу, если больше и больше будут ее вводить в систему развития и образования народа...

А. И. АРТЕМЬЕВ
Гравюра 1877 г.

Публичная Библиотека, Ленинград

«Хи-хи-хи! — засмеялся Чернышевский, — не бойсь потому, что умягчит нравы, волков превратит в агнцев? Конечно, хи-хи-хи! ваша эстетика для нашего мужика и сивуху с луком заменит амброзией с нектаром и пр. Вот вашей эстетике скажу спасибо, когда она оденет, обует и накормит наш народ».

— Да это и выйдет так, — доказывал Срезневский; — эстетика отучит мужика от сивухи и у него уцелеет копейка на обувь, одежду, еду...

«Хи-хи-хи — отвечал Чернышевский.

— А что, Александр Иванович, — обратился Пекарский ко мне, — ведь, говорят, Живоглот срисован с мамадышского исправника; вы знаете всю Казанскую губернию: похож ли?

«До какой степени верна догадка об оригинале Живоглота, — сказал я, — не знаю, но в Мамадыше действительно был непрменный заседатель земского суда, т. е. помощник исправника, сын сторожа того же суда. На свою руку, как говорили, охулки он не давал; однако, сколько я знаю, он не был похож на Живоглота. Я был свидетелем, что крестьяне встречали его радушно, а заочно звали его «Милягою», потому что он сам всех называл «милягами»...

— Да ведь и лекарь-то, что ковырял плечо у черемиса, обращался ласково, — заметил Чернышевский и затем обратился прямо ко мне: — чай и этот ваш «миляга» каждое свое приветствие сопровождал зуботычиной... уж это так заведено... хи-хи-хи!

— Не случилось видеть этого от Миляги, — сказал я.

«А вам-таки, надо полагать, много привелось видеть всякого рода по-

лицейских? — продолжал Пекарский, — много вы поездили. А где типичнее эти люди: в Казанской или в Ярославской губернии?

Еще не успел я ничего ответить, как П. С. Савельев прибавил: «Александр Иванович еще дольше был в Саратовской, чем в Ярославской, и впечатления о Саратовской, без сомнения, свежее и разнообразнее: война, движение ополчений и пр.».

«А вы давно из Саратова?» — спросил Чернышевский.

— Был в прошедшем году; между прочим имел сношения и с вашим батюшкой, Гаврилою Ивановичем, — отвечал я.

Чернышевский ничего не сказал на это и даже вовсе перестал говорить и ушел куда-то в угол.

Такова была моя первая встреча с Чернышевским.

Этот человек интересовал меня прежде, нежели я стал лицом к лицу с ним. Его статьи всегда читал я с живым любопытством, хотя и не соглашался со многими из его взглядов. Во всяком случае я признавал и уважал в нем несомненный талант писателя-диалектика и несомненно острый ум, и потому я несколько жалел, что не встречаюсь нигде с Чернышевским, что не могу с ним познакомиться. Но впечатления первой встречи с ним, два-три слова, перекинутые нами друг другу, настроили меня совершенно иначе. На меня как-то неприятно подействовали его наружность (хотя вполне приличная) и в особенности пискливый его голос и хихиканье. Я ушел от Срезневского досадуя, что встретился там с Чернышевским.

II. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ В РЕДАКЦИИ «ВОЕННОГО СБОРНИКА»

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Д. А. МИЛЮТИНА

Публикация Б. Козьмина

Известный государственный деятель эпохи Александра II, военный министр Д. А. Милютин оставил после себя обширные воспоминания. Рукопись этих воспоминаний, до сих пор неопубликованная¹, хранится в рукописном отделении Всесоюзной Библиотеки им. В. И. Ленина в Москве. В одном из томов этой рукописи (т. VIII, стр. 19—21) Милютин мимоходом касается мало выясненного до сих пор эпизода из биографии Н. Г. Чернышевского: участие его в 1858 г. в редактировании журнала, издававшегося военным министерством под названием «Военный Сборник».

Участие Н. Г. Чернышевского в редактировании этого журнала было весьма непродолжительным. Чернышевский и его товарищи по редакции объявили решительную борьбу тем порядкам, которые в то время продолжали господствовать в русской армии. В ряде статей «Военный Сборник» изобличал умственную отсталость и низкий уровень командного состава русской армии, злоупотребления и хищения в деле ее снабжения, господствующую в ней палочную дисциплину, ставящую свою задачу превращение солдата в манекена, без рассуждений, слепо выполняющего приказание начальства и т. д. Естественно, что при таких условиях между редакцией «Военного Сборника», с одной стороны, и цензурой, с другой, с первых же шагов начались столкновения, закончившиеся тем, что цензор полковник Штюмер составил особый доклад о «вредном направлении», принятом редакцией «Военного Сборника»². Естественно также и то, что «Военный Сборник» встретил не мало влиятельных противников из среды высшего офицерства, настаивавших на том, что редакцию этого журнала необходимо сменить. В результате всего этого Чернышевскому и его товарищам по редакции пришлось отказаться от редактирования «Военного Сборника».

При чтении приводимого ниже отрывка из воспоминаний Д. А. Милютина, необходимо иметь в виду, что в 1858 г. автор этих воспоминаний находился не